

Исканія соціальной правды молодой Франціей

Франція перестала быть спокойной, благополучной и консервативной страной, какой она многим казалась в послѣвоенные годы. Страна побѣдителей как будто бы долго не чувствовала кризиса міра. Послѣ войны съ особенной силой начали подчеркивать, что Франція — страна классическая, страна латинской мѣры, не теряющая разсудка, чуждая динамизму русских и нѣмцев. Французскій народ был осознан, как народ антиреволюціонный, вопреки тому факту, что он совершил столько революцій. Принципы либерализма и парламентской демократіи стали во Франціи принципами консервативными. Франція стала защитницей стараго міра против динамических движеній современности. Консерватизм современных французов, их сопротивление новым теченіям и в теоретической мысли и в социальном дѣйствіи выражались прежде всего в приверженности идеям XVIII вѣка и французской революціи. Французы вѣрят в универсальное значеніе французскаго гуманизма, в каѳоличность разума, который есть разум латинскій, в каѳоличность принципов свободы и равенства, как их поняла французская революція. Но принципы французской революціи давно уже перестали быть динамическими, они стали статическими. Эррио, вождь самой сильной и господствующей во Франціи партіи радикалов, поражает своей архаичностью и старомодностью: он человек позапрошлаго вѣка, ученик Руссо, якобинец, хотя отнюдь не кровожадный, он любит примѣшивать к политическим рѣчам проповѣдь универсальной гуманистической морали. Это свидѣтельствует о полном отсутствіи динамизма. Когда переводилась на французскій язык моя книга «Новое средне-вѣковье», мнѣ казалось, что она останется чуждой французам. В дѣйствительности именно во Франціи она имѣла наибольшій успѣх, но главным образом среди молодежи, в которой пробудились новыя настроенія и исканія. К современной Франціи уже

непримѣнима характеристика ея, как страны консервативной, спокойной и довольной. Эта характеристика остается вѣрной лишь в примѣненіи к старым политическим партіям, — может-быть, к старой университетской наукѣ. Традиционных лѣвых я считаю консерваторами, это нужно имѣть ввиду во избѣжаніе недоразумѣній. Но сейчас даже радикальная партія, в этом отношеніи классическая, чувствует свою отсталось от жизни и желала бы омолодиться. Молодежь же современной Франціи очень взволнована и настроена революціонно. Она страстно ищет социальной правды и иногда напоминает русскую молодежь второй половины XIX вѣка. И, что особенно нужно подчеркнуть, избранная часть французской молодежи связывает исканіе социальной правды или с христіанством или во всяком случаѣ с защитой духа и духовных основ жизни. Эта молодежь не только настроена революціонно по отношенію к существующему порядку, или, вѣриѣ, беспорядку, как обычно теперь говорят, но она даже злоупотребляет словом «революція», которое, очевидно, имѣет притягательную силу. Требованіе интегральной революціи стало почти общим мѣстом всѣх органов молодежи, всѣх их публичных выступленій. При этом часто остается недостаточно опредѣленным, что такое революція. О революціи говорит не только лѣвая часть молодежи, но и правая часть. Против современнаго парламентскаго режима, против коррумпціи парламентаріеѣ и министров, против скептицизма и либерпансерства либеральной и радикальной буржуазіи подымается революціонный протест слѣва и справа. Не хотят болѣе терпѣть игры партій, которая мѣшает всякому здоровому творческому движенію. Слева и справа иногда выставляют схожія требованія. Молодежь из лагеря Action Française иногда переходит к новым, очень лѣвым теченіям, и даже к коммунизму, так же как бывают и обратные переходы. Но молодежь одинаково враждебна выдохшемуся и разложившемуся либерализму, парламентаризму, отвращается от духа радикальной партіи. Нужно впрочем сказать, что в кругах французских intellectuels давно уже потерял кредит парламент и выходящія из парламента правительства. Политика считалась дѣлом профессионалов, очень отдаленных и от жизни французскаго народа и от интеллектуальной жизни Франціи. Но молодежь сейчас не

только далека от официальной политики парламентских партий и правящих кругов, она агрессивно ей враждебна. Это есть полный крах в молодых поколениях старого понимания свободы, доведшего до равнодушия к истине, до разложения. Эта свобода стала помехой в социальном реформировании общества. Но французская молодежь по иному взволнована, чем молодежь немецкая, итальянская или русская. Существуют, конечно, коммунистические симпатии. Это одна из форм, которая принимает анти-буржуазность, анти-капитализм, анти-либерализм молодежи. Но коммунизм во Франции слаб, он совсем не выдвигает значительных людей. Модное и часто снобическое обращение к коммунизму встречается среди старшего поколения *intellectuels* и *hommes de lettres*. Молодежь относится скептически к обращению А. Жида, это обращение не импонирует, хотя оно, может-быть, и вполне искренно. Так же и фашизм не французское явление, хотя сейчас во Франции, после февральских волнений, существует страх фашизма, почти что мания в этом отношении в левых кругах. Но настоящего фашизма во Франции не существует. Фашизмом часто называют просто правые течения, враждебные либеральной демократии и требующие сильной власти, течения агрессивно буржуазного характера. Забывают, что фашизм есть движение народное и демократическое по своему социальному составу. *Action Française*, например, совсем не есть фашизм. Во главе фашистского движения не могут стоять такие типичные литераторы, *intellectuels*, как Ш. Моррас и Л. Додэ. Фашизм основан на идее тотального государства, на крайнем этатизме. Между тем как Ш. Моррас считает себя антиэтатистом и обвиняет демократическую республику в эксцессах этатизма. Это связано с характером французской революции и с ее результатами.¹⁾ Но наиболее интересные движения молодежи и не фашистские, и не коммунистические, и не *Action Française*, в них то и есть новые искания. Движения эти, будучи резко анти-буржуазными и анти-капиталистическими, отличаются и от коммунизма и от фашизма

¹⁾ Для антиэтатизма правых течений во Франции очень интересна книга *Augustin Cochin « La révolution et la libre-pensée »*. Кошен возмущается против социализации мысли и социализации личности, происходящих со времени французской революции.

тѣм, что они антиэтатичны, персоналистичны, защищают свободу духа и достоинство личности. И в этом они сознают себя специфически французскими. Нерѣдко во Франціи раздаются голоса среди представителей новых теченій, что миссія Франціи защищать свободу и личность против угрожающих им движеній, но защищать совѣм не на почвѣ либеральных принципов. Персонализм этих теченій есть вмѣстѣ с тѣм рѣзкій анти-индивидуализм. Это представляется мнѣ наиболѣе цѣнным и наиболѣе близким моим собственным взглядам.

Послѣдніе годы во Франціи появился цѣлый ряд органов молодежи и ряд группировок, иногда неувловимыми чертами отличающихся между собой. Всѣх соединяют между собой отрицательныя отталкиванія. Отрицательныя отталкиванія, общая нелюбовь сближают даже такіе органы, как «Esprit» и «La revue du siècle», хотя «Esprit» очень лѣваго направленія, а «La revue du siècle» имѣет явно правый уклон. Но и «La revue du siècle» отталкивается от капитализма и ищет ordre nouveau, лозунг всей идейной французской молодежи. Появляются органы молодежи, представляющіе небольшія группы, с очень кратковременным существованіем, напримѣр «La lutte» и мн. др. Интересно ведется «Le nouveau cahier bleu». Но особенно слѣдует отмѣтить «Esprit», «Ordre nouveau» и «Troisième force», зачаток новой политической партіи, рождающейся из социальных исканій молодежи. «Esprit» ежемѣсячный толстый журнал. Вышло уже восемнадцать книг. Это журнал идеологическій, занятый выработкой социальной программы на духовных основах. Инициатива его принадлежала католической группѣ, редактор Мунье — католик. Периодически «Esprit» выпускает номера, посвященные одной какой-нибудь проблемѣ. Так были номера, посвященные проблемам «собственности», «денег», «труда», «колоніальной политики», «фашизма» и др. № 6 журнала был посвящен центральной для «Esprit» проблемѣ — «Rupture entre l'ordre chrétien et le désordre établi». Это есть разрыв христіанства с буржуазным миром. Вся почти христіанская молодежь Франціи, католическая и протестантская, хочет этого разрыва, это есть общее для всѣх настроеніе. Очень интересно для духовнаго поворота, что свободомысліе, враждебный религіи лаицизм, позитивизм в широ-

ком смыслѣ для современной молодежи ассоциируется с буржуазными течениями и партиями. Поскольку французскій социализм продолжает стоять на почвѣ просвѣтительныхъ идей XVIII вѣка, новая молодежь не можетъ с нимъ соединиться, несмотря на сочувствіе многимъ сторонамъ социальной программы. «Esprit» призываетъ прежде всего къ духовной революціи и лишь в связи с ней къ революціи социальной. Иногда революціонный лозунгъ выражается какъ требованіе персоналистической революціи, революціи во имя человеческой личности. И по истинѣ нужно сказать, что это было бы самой большой и еще никогда не бывшей революціей. Передъ революціей, которая происходитъ в мірѣ, стоитъ не только проблема *communauté*, но и проблема *personnalité*, и обѣ проблемы между собой связаны. Уже «*Ordre nouveau*», теченіе возникшее раньше журнала «Esprit» и одно время издававшее журнал «Plans», положило в основу приматъ духовнаго начала. В самыхъ первыхъ воззваніяхъ «*Ordre nouveau*» было провозглашено: «Сначала духовное, потомъ экономическое, политическое на службѣ экономическаго и духовнаго». Это рѣзко отличаетъ новыя теченія отъ всѣхъ старыхъ направленій и отъ социалистической партіи, несмотря на социалистическій характеръ программныхъ требованій этихъ теченій. «*Troisième force*» есть движеніе, вышедшее изъ нѣдръ «Esprit», его глава Изар основалъ «Esprit» вмѣстѣ съ Мунье. Это движеніе хочетъ быть политически активнымъ и даже выставить своихъ кандидатовъ в парламентъ, но исключительно для его взрыва. «*Troisième force*» не хочетъ оставаться исключительно в кругу интеллигенціи и лытается привлечь и рабочихъ. «Третья сила» стоитъ между социалистами и коммунистами. И отъ социалистовъ, и отъ коммунистовъ она отличается прежде всего признаніемъ духовнаго начала. Изар — католикъ. Это теченіе стоитъ лѣвѣе социалистической партіи, потому что не вѣритъ в эволюцію къ социалистическому строю путемъ парламентской борьбы, сохраняющей принципы формальной демократіи. Отъ коммунизма же его отличаетъ постановка в центрѣ проблемы личности, признаніе духовной жизни, анти-этатизмъ, синдикализмъ и федерализмъ. В исканіяхъ молодой Франціи есть общія черты, объединяющія всѣ теченія, даже когда они между собой ссорятся. Этими чертами французская молодежь отличается отъ молодежи нѣмецкой,

итальянской, русской и ближе к молодежи английской. Всѣ враждебны материализму, скептицизму, безбожію, ищут духовных и религиозных основ новаго соціального порядка. Если это не опредѣленные католики или протестанты, то все-таки стоят на спиритуальной почвѣ и ничего общаго не имѣют с предшествовавшими поколѣніями, воспитанными на позитивизмѣ. Таков, напримѣр, преждевременно умершій Дандіе, талантливый автор книги «*La révolution nécessaire*», главный идеолог «*Ordre nouveau*», который не был ни католиком, ни протестантом, хотя перед смертью, как говорят, обратился. Всѣ теченія враждебны капитализму, который разсматривается как безпорядок и анархія и обличается прежде всего в античеловѣческом характерѣ. Человѣчность есть очень важная черта французских теченій, отличающая их от фашизма и коммунизма. С этим связан их персонализм, признаніе безусловной и верховной цѣнности всякой человѣческой личности. Поэтому молодая Франція ищет новаго соціального строя, который признает цѣнность и достоинство всякой человѣческой личности, а не только личности, принадлежащей к привилегированным группам, обезпечить всякому трудящемуся достойное существованіе. Капитализм дегуманизировал общество. Но коммунизм и фашизм продолжают эту дегуманизацию. Интересующія нас теченія антиэлитичны, они враждебны тотальному государству, в них есть даже нѣкоторый анархическій уклон. Дандіе с сочувствіем цитирует мѣста из Бакунина, в которых тот писал против централизма марксистскаго коммунизма и предсказывал его деспотическія послѣдствія. Французскія теченія ближе к традиціи Прудона, чѣм к традиціи Маркса, хотя Марксом интересуются и изучают марксизм. Для изученія марксизма при «*Esprit*» образована даже особая группа. Всѣ эти теченія защищают в той или иной формѣ корпоративное, синдикалистическое устройство общества, требуют корпоративнаго экономическаго парламента и уничтоженія парламента, основаннаго на господствѣ партій. Французская молодежь интересующих нас духовно-соціальных теченій не отрекается от свободы, но она порывает с формальной, безсодержательной свободой поколѣнія отцов, хочет свободы духовно обоснованной. Либерализм утверждал свободу равнодушную к Истинѣ. Теперь хотят обосновать свободу на

Истинѣ. Таковы общія черты современных исканій во Франціи.

Из французских писателей предшествующаго поколѣнія наибольшее вліяніе на молодую Францію сейчас имѣет Ш. Пеги и Л. Блуа, особенно Пеги, который импонирует своим нравственным образом, своим исканіем христіанской правды в соціальной жизни. То противоположеніе, которое Ш. Пеги дѣлал между «мистикой» и «политикой», очень подходит к настроеніям лучшей части молодежи, презирающей современную «политику». «Мистика» не имѣет тут традиціоннаго смысла, она означает существенность, правдивость, искренность, «политика» же означает конформизм, лживость, отсутствіе глубины. В этом смыслѣ молодежь хочет «мистики», а не «политики» в соціальной жизни. Л. Блуа дорог своей страстной борьбой против буржуазнаго духа, острым обличеніем противоположности между религіей креста и буржуазностью. Бороться нужно не только против буржуазности в соціальном смыслѣ, но и против буржуазности в духовном смыслѣ. Буржуазный дух особенно силен во Франціи. И не случайно Л. Блуа явился именно во Франціи. Тип мелкаго буржуа задает тон всей жизни во Франціи. Нѣкогда аристократическая страна обратилась в страну буржуазную по преимуществу. И сопротивленіе французской буржуазіи перерожденію общества вѣроятно будет сильнѣе, чѣм в других странах. Поэтому во Франціи в молодых теченіях постоянно говорят о революціи, понимая под ней революцію духовную и революцію соціальную. Иное положеніе в Англіи, гдѣ буржуазія утратила силу сопротивленія, и гдѣ, вѣроятно, будет легче осуществить социализм. Центральная сила буржуазной демократіи во Франціи, представленная главным образом радикальной партией с правыми и лѣвыми отгѣнками, разлагается и потеряла нравственный авторитет. Революціонныя настроенія нарастают и слѣва и справа. Но инерція и сопротивленіе буржуазнаго духа очень сильны. Этим буржуазным духом заражены вліятельные и господствующіе правящіе круги католической церкви, и еще болѣе ими заражены старые протестантскіе круги. Но католическая молодежь настроена иначе. Не всѣ молодые являются христіанами, но возрожденіе христіанства все же играет большую, даже опредѣляющую роль в молодых теченіях. Я бы назвал это пробужденіем христіанской совѣсти. Проснувшаяся

христианская совесть требует переоценки по всем основным вопросам жизни. Христианская совесть пробуждается, как суд над неправдой капитализма и угнетения человека человеком, как суд над неправдой национализма, порождающего войны и истребление человека человеком. Молодые чувствуют себя французами, но они не националисты. Это черта отличная от фашизма, который меньше всего думает об осуществлении христианской правды в жизни. Несмотря на сходство в основных лозунгах молодых группировок, есть, конечно, раздор и взаимобвинение, что ослабляет движение. Так в настоящее время произошла распря между «Esprit» и «Ordre nouveau», несмотря на сходство в исходных принципах. «Esprit» больше «Ordre nouveau», имеет связи с более левыми кругами и склонно подозревать «Ordre nouveau» в тайном уклоне к фашизму, для чего, мне кажется, нет достаточных оснований. Кроме того «Esprit» видит в «Ordre nouveau» тенденции к технократии. «Ordre nouveau» выработало план всеобщей трудовой повинности, схожей с военной повинностью, которая должна разрешить рабочий вопрос, т.е., сделав всех рабочими в годичный период их жизни, уничтожить рабочий класс и пролетариату. Этот план заслуживает серьезного внимания. Но тут возможен, конечно, уклон к технократии, так как во главе такой организации становятся инженеры — техники. Разногласие между «Esprit» и «Ordre nouveau» не представляется особенно существенным. «Esprit» теоретичнее. Один из главных деятелей «Ordre nouveau» Даниель Ропс, тонкий писатель, сотрудничает и в органах более правого и даже фашистского уклона, но это и вызывает возражения группы «Esprit». Интересно отметить, что старая левая революционная направленность во Франции относится подозрительно и враждебно к новым течениям. Таково прежде всего отношение «Еurore», органа симпатизирующего коммунизму, хотя и не марксистского. Его редактор Гюенно возмущается против молодых течений, он не верит их революционности и даже подозревает их в тайной реакционности. Причины этого понятны. Гюенно и революционные литераторы типа «Еurore» стоят на почве идей XVIII и XIX в.в., они духовно и идеологически консервативны и защищают старомодную революционность, они все еще проникнуты «просветитель-

ной» враждой к религии и духу. Принцип духовного начала, да еще примата духовного начала представляется им реакционным и контр-революционным. Никакая революционная социальная программа не спасет от обвинения в реакционности, если вы христианин, католик, или даже просто признаете дух. Совершенно так же смотрят все традиционные радикалы, которые продолжают себя считать «лэввыми» только потому, что они ланцисты, враждебны церкви, позитивисты. Подлинная революция осуществится нарождением новых поколений, людей иного духа, людей, признающих дух. Соединение духовности с социальным радикализмом и есть современная революция. Пока она совершается главным образом в кругах интеллигенции. И опасность в том, чтобы движение не осталось замкнутым в интеллектуальном кругу. Движение должно выйти в более широкие социальные круги. Слабость молодых движений, в которой их иногда справедливо упрекают, в том, что слишком мало думают о путях реализации выработываемой программы, о приобретении силы. Воля этой молодежи направлена к правде, и идеи их выше идей фашистских и коммунистических, но весь вопрос в том, удастся ли сделать эти идеи силой, направляющей социальную жизнь. Революция может снести их. Старые силы буржуазных партий, как и новые силы фашистские и коммунистические не стесняются в средствах. Как осуществлять, реализовать правду более высокую, пользуясь средствами более чистыми, в этом основная проблема христианского сознания. Эта проблема стоит и перед Молодой Францией.

Николай Бердяев.